

«СКАЗКА» О СОЖИТЕЛЬСТВЕ МЕДВЕДИЦЫ И МУЖЧИНЫ В ФОЛЬКЛОРЕ КИТАЙСКИХ РУССКИХ ТРЕХРЕЧЬЯ (КНР)¹

ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ КЛЯУС

(Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН: Российская Федерация,
121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а)

АННА АНДРЕЕВНА ОСТРОГСКАЯ

(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова: Российская Феде-
рация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1)

***Аннотация.** В статье анализируются мифологические рассказы о сожительстве человека и медведя, зафиксированные от китайских русских городского округа Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Особое внимание уделяется тексту, записанному авторами статьи по-русски и по-китайски, в котором повествуется о сожительстве медведицы и мужчины, бытовавшему на китайском языке среди этнических китайцев. В статье предпринимается сопоставительный анализ русского и китайского вариантов одной и той же «истории» (авторы имеют дело с полноценными вариантами, а не переводом текста с одного языка на другой). Нарратив анализируется в контексте мифологических представлений и устной прозы о брачном союзе человека и медведя, бытующих у русских Забайкалья. Приводятся аргументы в пользу того, что данный сюжет китайцы Трехречья заимствовали от русских. Выдвигается предположение о причине гендерной замены героев, которая произошла при бытовании сюжета в китайской среде. То, что попавшему к зверю человеку были приписаны мужские хозяйственные занятия, указывает на длительное бытование сюжета среди китайцев, когда он был осмыслен и дополнен китайскими исполнителями. От русских рассказ мог быть услышан не в Трехречье, а в Восточном Забайкалье, где китайцы работали на золотых приисках с начала XX столетия.*

***Ключевые слова:** фольклор, мифологические рассказы, сюжет о сожительстве медведя и человека, китайские русские, КНР.*

Процесс формирования группы китай-
ских русских, метисного населения
Северной Маньчжурии Китая, начался
в начале XX столетия, когда благодаря эми-
грации из Советской России в этот регион
казаков, крестьян, приисковых рабочих

Восточного Забайкалья усилились меж-
этнические русско-китайские контакты,
и появление русско-китайских семей стало
обычным делом. Всё это уже достаточно
подробно освещено в исследовательской
литературе, в том числе и в публикациях

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-04-00493 «Русский фольклор на китайском языке в Северной Маньчжурии: исследование и тексты».

авторов настоящей статьи (см.: [Янков, Тарасов 2012; Кляус 2015] и др.).

История китайских русских Трехречья (в настоящее время — городской округ Эргуна Автономного района Внутренняя Монголия КНР) определила характер их фольклорного фонда, который представляет собой яркий пример пересечения двух традиций — русской и китайской. При этом наши наблюдения показывают, что русская доминирует. Во многом это произошло благодаря тому, что русско-китайские семьи были включены в мир «Русского Трехречья». И сегодня, оставаясь православными, они называют себя русскими, в том числе и официально, поскольку являются одним из национальных меньшинств КНР.

Изучение фольклора трехреченцев невозможно без обращения к фольклору русского старожильского населения Восточного Забайкалья. Во всех наших предшествующих работах он рассматривался на фоне забайкальского «материнского» материала [Кляус, Острогская 2014; Кляус 2015]. В данной статье мы обратим внимание на устные рассказы, представляющие сюжет о сожигательстве медведя с женщиной, бытующие у китайских русских Трехречья.

В Сибири «истории» о сожигательстве медведя с женщиной распространены довольно широко. У русских и коренных народов региона они фиксируются собирателями с начала XX в. (см.: [Штернберг 1933; Попова, Виноградов 1934; Крейнкович 1969] и др.). Наиболее обстоятельно русский материал рассмотрен в докторской диссертации иркутской исследовательницы Г.В. Афанасьевой-Медведевой «Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилов Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации» [Афанасьева-Медведева 2011]. Автором проанализирован значительный корпус текстов, в том числе и непосредственно собранный ею в многочисленных экспедициях в Восточной Сибири. В работе для сопоставления привлекается также фольклорная проза других сибирских народов, но, говоря именно о русских рассказах, исследовательница приходит

к выводам, что «сюжет о сожигательстве медведя с женщиной, зафиксированный в среде русских сибиряков, отражает веру в возможность чудесного брака со зверем, представляющую собой особую форму проявления тотемического культа», и что его «вряд ли можно отнести на счет влияния фольклора местных народов Сибири» [Там же, 168, 170].

В своих полевых исследованиях среди русских старожилов Восточного Забайкалья и китайских русских городского округа Эргуна Хулун-Буирского аймака Автономного района Внутренняя Монголия КНР мы также фиксировали подобного рода рассказы. Порой они имели весьма краткую форму простого упоминания такого «случая»: «У нас, э-, там, э-, девушка с мать по-, она потеряли<сь>, и не нашли их. Потом-то слух, кто-то сказал, гыт, э-, медведь, ну, увез, э-, женился» (Зап. от Ивана Дементьева, 1945 г.р. Соб. В.Л. Кляус) [HD1: Трехречье 2015. Vк150419-01]².

Но были записаны и более пространственные тексты. Так, Анна Антоновна Михалева, жительница Эньхэ (русское название Караванная), одна из немногих русских женщин, которая родилась в Трехречье и всю жизнь прожила здесь, рассказала в 2009 г. одному из авторов настоящей статьи следующую историю: «Пошла она по ягуду, он её поймал, да и всё, и оставил. Она, гыт, она плачет, у ей, гыт, дома-то ребятишки, гыт. Он её, гыт, уговариват. Тоже это, гыт. Это, гыт. Она, гыт, ись-то, гыт, захочет ли пить-то, гыт, он, гыт, ей лапку даст и лижи. Вот эту лапку-то вот показыват ей — лижи. Она полижет и hao le (достаточно. — В. К., А. О.), ись не будет и пить не будет. Так и живёт. Ёб твою мать-то. Потом, гыт, во у ей была дев-, девчонка-то да парнишка-то вроде. Она их эта, э-, парнишечка-то забрала, успела, а девчонку-то не успела. Он её взял, поднял вот так — тебе надо? Не жалко? Нет? взял и разорвал, гыт, её. Девчонку-то разорвал и бросил. Да заревел! Скоро-скоро да бежать, гыт, до етова, с девчонкой-то, до речки-то, гыт. Оне, гыт, сяли на лодку уж, а он вроде не мог через... через воду-то перейти, переплыть-то, ребёнок в руках-то. Он, гыт, под эдак взял, гыт, ребёнка-то, потрыл, да, гыт. взял, гыт,

² Представленные в статье полевые записи хранятся в Фольклорной коллекции Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва)

да разорвал, гыт, её. <...> А они уж на лодке переплыли. А какаво делать, матери то жалко всё равно, но да какаво сделаишь? Всё на ей лопать-то, гыт, перервал. Потом, гыт, она там сидит. А оне, гыт, говорят: “А ты кто это?” А она гыт: “Ой, я, гыт, православный человек-то, гыт, вот кто, вот кто”. — “А ты почто как-то?” — “Ой, гыт, шибко не ревите, гыт, у меня, гыт, медведь, гыт, поймал. Вот гыт. Вот где, вот где. Ой, дайте мне кого-нить, я потом вылезу-ка”. Оне вот ей дали кавота. Она надела како-та да вылезла. Тут-то ещё внизу-то это, аверху-то тут груди-то голы. Они ей потом кого-то дали надеть, она надела. На покосе жили, гыт. Но и вот и она переплыла, баба-то эта с ребёнкам, с парнишкам. А парнишка-то был, кто с ём здороватся, поздороватся, он, гыт, рукой-то как возьмёт — и так от переломит руки ребятишкам-та, пальчик-то. Потом ему, гыт, не давали: “Ты, гыт, не здоровайся с ребёнком, не надо, гыт”. Он потом знал. Подойдут кто к ему здороваться. Он: “Я, гыт, не буду. Я не умею здороваться”, — говорит. Потом научился говорить: “Всё я умею говорить. Я не умею здороваться”. Вот. Ха-ха-ха. <...> <Потом> недолго прожила, гыт, чё-та, гыт. Но тоже сколь-то лет прожила-та. Потом умерла. Она от одного страху-та померла, она боялась его. Свечку, гыт, вечером-то, гыт, зажгёт, гыт. Ребятишки-то, гыт, ревут, он, гыт, свечку-то зажгёт, гыт, вечером-то где-то свечки на-, натаскат, наварует. Он везде ходит да и натаскат, по покосам-то» (Зап. от Анны Антоновны Михалевой, 1932 г.р., русской. Соб. В. Л. Кляус) [HD1: Трехречьё 2009. 090810-02].

При повторной записи Анна Антоновна уточнила, почему умерла эта женщина: «Он же, он же столько и она сколь лет жила с ём (с медведем. — В. К., А. О.) жила, соль не ела. А соль не есть человек — нехорошо. Также потом, она, она соль нисколько не видала, не ела. Вот. Потом недолго время, она, гыт, тоже померла». Кроме того, выяснилось, что медведь кормил женщину и сырым мясом: «А где, гыт, кого поймат, гыт, ушканчика ли, кого ли, да, гыт, сырову. Вот» [Там же].

Еще один текст, записанный уже от метиса Ильи Дементьева из Эньхэ: «Говорили но стары люди, правда, не. Это казка одна, я думаю. Но, гыт, море недалёка и... и Аргунь недалёка. Грит одна эта,

но э-, кары (около. — В. К., А. О.) деревни по ягоду куда ли ходили. Потерялась, нет. Потом три года, грит. Три года. Медведь куда-то, гыт, ушёл. Но охота. Но, по охота но каво. Па-, ушёл, гыт, она слышит, гыт, эта, чё-та там, гыт, есь, на Аргуни ли там, но, в речке. Как машина как будта — о-о-о. Раньше машин не было. Побежала эта. <Соб.:> Она одна? Одна. Но, катер как-то наша, но, лодка, катер. Но. Махала, махала. Потом лодка, гыт, эта до берега, она сяла. Сяла потом, гыт, взад посмотрела — медведь уж там стоит на Арг<уни>, на берегу. Кто знат, правильно, не правиль<но>» (Зап. от Ильи Дементьева, 1948 г.р., метиса. Соб. В. Л. Кляус) [HD1: Трехречьё 2015. vk150420-01].

В этом рассказе отсутствует мотив рождения женщиной детей от медведя. Задав уточняющий вопрос на этот счет, мы получили на него отрицательный ответ. Сюжет о сожительство медведя и женщины несколько разрушен, но даже при отсутствии этого важного для него мотива, имеющего характер чудесного, респондент не скрывает своего скептического отношения к описываемым событиям.

В целом записанные нами тексты являются довольно типичными для фольклорной традиции русского старожильского населения Сибири и не добавляют ничего нового к материалам Г. В. Афанасьевой-Медведевой, за исключением, пожалуй, ареальности бытования сюжета о медведе и женщине.

Однако один из текстов, записанный нами в 2014 г. в Трехречьё, также в п. Эньхэ, от Василия Заркольева, пожилого китайского русского, отличается одной важной деталью от всего известного до настоящего времени нам материала.

Василий Заркольева (1944 г.р., китайское имя Сун Чи Чан) занимает среди жителей Эньхэ особое положение. Он председатель местного отделения Общества исследования русских, и его поддержка во время поездок в Караванную всегда была для нас очень важна. Собственно фольклорных записей от Василия сделано мало. Мы больше разговаривали об истории русских в Китае и их сегодняшнем положении, о влиянии культурной революции на их жизнь, о взаимоотношениях России и Китая, о международном положении и роли наших стран в мировой политике и экономике и пр. Визиты к нему

А. А. Острогская берет интервью у Василия Заркольева. Фото В. Л. Кляуса, 2014 г.
 Anna Ostrogskaya is interviewing Vasilij Zarkol'tsev. Photo by V. Klyaus, 2014

домой имели больше дружеский характер, чем исследовательский. Тем удивительнее было то, что в 2014 г. мы услышали от него историю о медведице и мужчине, которые жили вместе несколько лет, и у них появились дети. Запись была сделана дважды на русском и китайском языках.

В первом разговоре принимала участие жена Василия — баба Таля (Наталья Gladkova, 1948 г.р., китайское имя Лан Фун Сян):

«— Но где? Тако место кола моря. Что — один человек на лодке плыл, плыл, потом заехал на землю. Там медвежуха его забрала. В берлогу. Но и с ём жи-... Но она выйдет, камнем барлог-та за-...

— Нору-то зароет (Таля).

— За-, закрыть. Человек-то не выбежит. Потом она, ну, сыро притащит ему ись. Он, но, он голодный. Но потом помаленьки начал ись. И там народу никаво нету-ка. И с ей живёт. Потом что — два у их ребятишек было ж. Она потом его не так оберегать бу-, стала. И выйдет куда-нибудь, его тоже отпустит. Он но кругом тоже ему можно ходить, с ребятишкам.

Потом один раз, ден, пароход большой проехал. Он побежал, ревьёт. Но море-то, наверно, как-то шибко ищо крутояро. Помаленьки, помаленьки он до, до цедова доиёл (показывает: по грудь. — В. К., А. О.), но и ревьёт там, пароходу. Народ-то потом посмотрели, к ему подъехали и его за-, выручили. А медвежуха-то взади

догонят! Тожа ревьёт! Догонят! Потом он на пароход сля и у ей поехали. Она осердилась — ребёнок всё ра-, разорвала и бросила, что... Потом сама в море тожа утонула. Осердилась.

— Но это неправильно. Я не верю (Таля).

— Сказка...» (Зап. от Василия Заркольева, 1944 г.р., метиса. Соб. В. Л. Кляус) [HD1: Трехречье 2014].

Обсуждая записанный текст, мы выяснили у респондента, что эту «историю» он слышал от жившего когда-то в Трехречье этнического китайца, который не знал русского языка и рассказывал «сказку» по-китайски (Василий даже вспомнил его имя — Ма И Син). Именно поэтому нами было принято решение обязательно записать ее в «первоначальном» виде, что оказалось достаточно сложно в том смысле, что пришлось довольно долго уговаривать Василия рассказать ее еще раз. Повторять, и тем более по-китайски, исполнителю мешал, как нам представляется, его скепсис относительно описываемых в ней событий и нежелание «снизойти» к передаче столь бесполезной и явно вымышленной, с его точки зрения, истории.

Согласился Василий, в конце концов, лишь потому, что в повторной записи принимала участие А. А. Острогская как слушатель, понимающий язык, что методически чрезвычайно важно при подобных фиксациях.

Здесь мы публикуем текст в иероглифике, в пиньинь и в переводе на русский язык, отмечая в пиньинь диалектные особенности произношения (выделено полужирным). В тех случаях, когда диалектному слову нет точного иероглифа, в иероглифике дается литературный иероглиф, а в скобках после него — диалектное слово³.

1 哎呀，这个事儿啊，也是一个中国人讲的，中国人讲的就这个在一个偏僻的地方，一个岛子，岛子上头有个人去打鱼去了。打鱼去吧赶上刮通风，刮到一个岛子上头去了。刮到一个岛子上，完了风停了，他也那小船儿它都靠岸了，他就在岛子上叫一个熊瞎子给给抓住了。抓住熊瞎子没吃他，就把他拖到它那个窝儿里去了。它那个洞儿大洞儿。Берлог.

āi yā, zhè gè shì èr a, yě shì yí gè zōng guó rén jiāng de, zōng guó rén jiāng de. jiù zhè ge zài yí gè piān pì de dì fang, yí

gè dǎo zi, dǎo zi shàng tou, yǒu gè rén qù dǎ yú qù le, dǎ yú qù ba gǎn shàng guǎ tōng fēng, guǎ dào gè dǎo zi shàng tou qù le, guǎ dào yí gè dǎo zi shàng, wán le fēng tíng le tā yě nà xiǎo chuán er tā dōu kào àn le, tā jiù zài dǎo zi shàng jiào yí gè xióng xiā zi gěi gěi zhuā zhe le, zhuā zhù xióng xiā zi méi chī tā, jiù bǎ tā tuō dào tā nà gè wō er lǐ qù le, tā nà gè dòng dà dòng er. Берлог.

2 熊瞎子是个母熊还是，看它那个熊瞎子也是自己逮那边，在那岛子上。没有别的动物，没有公熊。哎，他们就逮一块儿。开始前它把那个人就放到洞里头，弄个大石头把他堵上，一个人哪也出不去。它就出去找吃的去，找着吃的都是生的啊！哼，不会生火也没有不能做。

xióng xiā zi shì gè mǔ xióng hái shì, kàn tā nà gè xióng xiā zi yě shì zì jǐ **dǎi** nà biān, zài nà dǎo zi shàng. méi yǒu gōng xióng. āi, tā men jiù **dǎi** yí kuài er. kāi shǐ qián tā bǎ nà gè rén jiù fàng dào dòng lǐ tou, nòng gè dà shí tóu bǎ tā dǔ shàng, yí gè rén nǎ er yě chū bú qù. tā jiù chū qù zhǎo chī de qù, zhǎo zhe chī de dōu shì shēng de a! hēng, bù huì shēng huǒ yě méi yǒu bù néng zuò.

Ох, было дело, тоже китаец рассказывал. Этот китаец говорил, что в одном захолустье, на одном острове, на вершине этого острова один человек пошел удить рыбу. Пошел он удить и успел до того, как на остров, на вершину подул ветер. Ветер достиг острова и внезапно прекратился. <Только> он на своей лодочке причалил к берегу, как его схватила медведица. Медведица его схватила, но есть не стала — потащила его в свою берлогу. Берлога у нее была большая.

Медведица – это матушка-медведица. Видно, она, та медведица, сама по себе там, на том острове. Другой живности нет, и медведя нет. Ох, они там заточены, одни-оденешеньки. Сперва она того человека запихнула в берлогу и здоровенным камнем завалила выход: никому не выйти. Пошла она на поиски съестного, а ела она всякую живность! Ох, огня разводить она не умела и готовить не могла.

³ О принципах публикации фольклорных текстов на китайском языке см.: [Кляус, Острогская, Шипунова 2017]. Авторы статьи благодарят Л.Г.Шипунову (Сунь Хуэйци), внучку Василия Заркольева, за оказанную помощь в транскрибировании текста.

- 3 熊瞎子吃生的到是行，哼，它能吃，那人他吃不了啊！他开始前他就也是不吃，不吃不吃，最后又饿得实在也不行了，这也就吃了，吃生的生肉，全都是生的，吃着吃着最后他也习惯了就，已经过了一年多了这时间。恩，他俩完了就成了夫妻了，那母熊完了怀孕生下来小孩儿了！

xióng xiā zi chī shēng de dào shì xíng, hēng, tā néng chī, nà rén tā chī bù liǎo ā, tā kāi shǐ qián tā jiù yě shì bù chī, bù chī bù chī, zuì hòu yǒu èr è de shí zài yě bù xíng le, zhè yě jiù chī le, chī shēng de shēng ròu, quán dōu shì shēng de, chī zhe chī zhe zuì hòu tā yě xí guàn le jiù, yǐ jīng guò le yì nián duō le zhè shíjiān, ēn, tā liǎ wán le jiù chéng le fū qī le, nà mǔ xióng wán le huái yùn shēng xià xiǎo hái ér le!

- 4 过了好几年他俩就有两个孩子了都，长得也就是和人人似的，浑身都是毛儿还是，完了这个母熊那，后来这警惕性也就不这么高了就，一看都有俩孩子了，逮一块儿过这么长时间了都，它也就不看着他了。

guò le hǎo jǐ nián tā liǎ jiù yǒu liǎng gè hái zi le dōu, zhǎng de yě jiù shì hé rén rén shì de, hún shēn dōu shì máo er hái shì, wán le zhè ge mǔ xióng nà, hòu lái zhè jǐng tì xíng yě jiù bù zhè me gāo le jiù, yí kàn dōu yǒu liǎ hái zi le, dǎi yí kuài er guò zhè me cháng shí jiān le dōu, tā yě jiù bù kàn zhe tā le.

- 5 出去找吃的去，它就就把他们这爷儿三个就放到家里头，放到家里头它就去，它去找吃的，找回来他们就吃，还是生的。后来有一天啊，那个地方儿吧，很少有船只路过还 (nèi)。那天不知道在 (gè) 哪个国家过来，过来一个船，一个大轮船啊，滑轮。

chū qù zhǎo chī de qù, tā jiù jiù bǎ tā men zhè yé er sān gè jiù fàng dào jiā lǐ tóu, fàng dào jiā lǐ tóu tā jiù qù, zhǎo chī de, zhǎo hái shì shēng de. hòu lái yǒu yì tiān ā, nà gè dì fāng er ba, hěn shǎo yǒu chuán zhī lù guò hái, nài tiān bù zhī dào zài (gè) nǎ ge guó jiā guò lái, guò lái yì gè chuán, yì gè dà lún chuán ā, huá lún.

Медведица ела живность, и ей такая пища была в самый раз, ох, а человек такое есть не мог. Поначалу он и не ел, не ел, не ел, и в конце концов голодать он тоже не мог, поэтому поел. Ел сырое мясо, всё полностью сырое, ел это, ел и в конечном счете привык. Так прошло больше года. Эх, эти двое потом поженились, а та медведица забеременела и родила ребеночка!

Прошло несколько лет, и у них было уже два ребенка, оба были как люди, а с головы до пят в шерсти. Потом эта медведица, она потеряла бдительность, уже двое детей было, они вместе были долго, медведица его <мужа> почти не видела.

<Однажды> она пошла на поиски съестного, она их втроем с отцом оставила дома, оставила их дома и ушла, пошла искать еду. Нашла и вернулась домой, они сразу поели, всё еще сырое. Потом однажды... Там, в том месте, редко-редко проплывали мимо лодки. В тот день неизвестно из какого краю приплыла одна лодка — приплыл огромный пароход, шкивы вращаются.

- 6 大母熊它没在家那时候，它一看来船了，老远海上就能看着，它就看见就往海里蹿啊。这海它是漫滩的不是那个陡滩儿的。它往里蹿，蹿蹿到这个地方了不敢蹿了，连喊带白话。

dà mǔ xióng tā méi dǎi jiā nà shí hòu, tā yí kàn lái chuán le, lǎo yuǎn hǎi shàng jiù néng kàn zhe, tā jiù kàn jiàn jiù wǎng hǎi lǐ tāng a, zhè hǎi tā shì màn tān de bú shì nà gè dǒu yàn er de, tā wǎng lǐ tāng, tāng tāng dào zhè ge dì fāng le bù gǎn tāng le, lián hǎn dài bái huà.

- 7 那船上一看，这那有个人儿连喊带嚷的，船就靠过来了，靠过来了，这个他们就把这个人儿就拉到船上去了，拿到船上救上去了。

nà chuán shàng yí kàn, zhè nà yǒu gè rén er lián hǎn dài rǎng de, chuán jiù kào guò lái le, kào guò lái le, zhè ge, tā men jiù bǎ zhè ge rén er jiù lā dào chuán shàng qù le, ná dào chuán shàng jiù shàng qù le.

- 8 那个人已经啥都没了，衣服啥也没了，都光着，造（zào）的也不像个人样儿了都。那个母熊正好也回来了，一看他跑了，它气坏了，就也是连白话带叫唤的，气得直拍的，拍拍拍肚子，后来（yǔner）那个人就他们就开着那个轮船就走了。

nà gè rén yǐ jīng shá dōu méi le, yī fú shà yě méi le, dōu guāng zhe, zào de yě bù xiàng gè rén yàng er le dōu, nà gè mǔ xióng zhèng hǎo yě huí lái le, yí kàn tā pǎo le, tā qì huài le, jiù yě shì lián bái huà dài jiào huàn de, qì dé zhí pāi de, pāi pāi pāi dù zi, hòu yǔner nà gè rén jiù tā men jiù kāi zhe nà gè lún chuán jiù zǒu le.

- 9 那个救上去那个人，他也是一直老是老看着那个熊和孩子们也是有点舍不得。后来熊一看他们都走了气坏了，把那小孩儿都给扯两半了，自己跳海里就淹死了。就这样完事儿了

nà gè jiù shàng qù nà gè rén tā yě shì yí zhí lǎo shì lǎo kàn zhe nà gè xióng hé hái zǐ men yě shì yǒu diǎn shě bù dé, hòu lái xióng yí kàn tā men dōu zǒu le qì huài le, bǎ nà xiǎo hái ér dōu gěi chě liǎng bàn er le, zì jǐ tiào hǎi lǐ jiù yān sǐ le. jiù zhè yàng wán shì er le.

(Зап. от Василия Зарколыцева, 1944 г.р., метиса. Соб. В. Л. Кляус, А. А. Острогская) [ФК ИМЛИ РАН. HD1: Трехречь 2014, ania140728-04].

В тот момент медведицы не было дома. Она как увидела, что приплыла лодка, еще когда та была далеко от берега, она ее увидела, и как посмотрела — ринулась в море. Это море — берег пологий, вязкий, не крутой склон. Она топала и шлепала дотуда, а дальше уже не смела, даже ревела в пустоту <от отчаяния>.

Завидев лодку, человек кричал изо всех сил, и тогда пароход повернул и подплыл. Подплыл, это, они подняли этого человека на корабль, помогли взобраться на борт.

У этого человека уже ничего не осталось: одежды не было, весь голый, в целом и на человека не походил. Медведица поспешила домой, обнаружила, что он убежал, она рассвирепела, даже бормотала и взревела, просто взорвалась от гнева, она била себя, и била, и била в брюхо. Потом тот человек забрался на пароход, и они сразу уплыли.

Тот человек спасся, но он всё время смотрел на ту медведицу и детей, и сердце щемило: <немного не хотелось> расставаться с ними. А потом медведица как увидела, рассвирепела и взяла деток и разорвала напополам. Сама же она бросилась в море и утопилась. Вот так вот. Конец.

Сразу можно обратить внимание на то, что вариант, рассказанный по-китайски, по объему в два раза больше того, который прозвучал по-русски. В основном это

увеличение объясняется более подробным описанием одних и тех же эпизодов, но в китайском варианте есть много нового, чего не было в русском. Именно из него мы узнаем, что:

1. Мужчина отправился на рыбалку на лодке на водоеме, который находился на вершине острова. Подул сильный ветер, и его лодку прибило к берегу, где жила медведица.

2. Берлога медведицы была большой.

3. Медведица не умела разводить огонь.

4. Медведица через год родила от мужчины одного ребеночка, а потом другого.

5. Дети мужчины и медведицы были людьми, но с головы до пят в шерсти.

6. После рождения детей мужчина больше времени проводил с ними, а не с медведицей.

7. Медведица пошла искать еду, и именно в это время пришел пароход.

8. Спасенный мужчина был без одежды, голым.

9. Описание берега (не крутой склон) и как зашла медведица в воду.

10. Мужчина смотрел на оставленную медведицу и детей, и у него щемило сердце.

11. Медведица от ярости била саму себя, когда мужчина уплыл на пароходе.

Однако и русский вариант содержит некоторые детали, которых нет в китайском, а именно:

1. Мужчина плывет на лодке по морю и пристает к месту, где живет медведица.

2. Увидев пароход, мужчина зашел в море и шел до тех пор, пока вода ему не достала до груди.

Впрочем, последнее есть также в китайском варианте текста, но там эта деталь относится к медведице (см. выше п. 9).

Вторая запись, по-китайски, была сделана от исполнителя-билингва через сутки после первой. В методическом отношении это является важным, так как таким образом мы избежали внутреннего перевода, который мог бы возникнуть, если бы респондент сразу после рассказа на одном языке стал эту же историю рассказывать на другом. Наличие «уникальных» для русского текста деталей показывает, что это нам в полной мере удалось и мы действительно имеем два варианта одной и той же «истории», а не перевод текста с одного языка на другой. Большая развернутость китайского варианта может быть объяснена тем, что изначально Василий слышал

«сказку» именно по-китайски. Еще раз повторим, что мы просили его рассказать ее именно так, как он ее когда-то слышал.

Сравнение с забайкальским и шире — с восточносибирским материалом показывает практически полное совпадение как в сюжете в целом, так и в деталях, за исключением, как мы уже указывали, одного — в китайской «истории» сожительствует не медведь с девушкой/женщиной, а медведица с мужчиной. Гендерное различие героев обуславливает характер их хозяйственных занятий и как следствие ситуацию попадания к медведю/медведице. Если в типичных для Сибири и Забайкалья рассказах о женщине героиня идет в лес по ягоды/грибы и пр., теряет дорогу и так оказывается у медведя, то в «сказке» Василий мужчина отправляется на рыбалку, на воде из-за сильного ветра его лодка становится неуправляемой и пристает к месту, где живет медведица. Инициальная ситуация — женщина идет по ягоды / мужчина отправляется на рыбалку — показывает, что мужчина в качестве героя был уже в рассказе, который слышал Василий от жившего в Трехречье китайца. Гендерное различие человека-героя повлияло и на его отношения с детьми. В рассказах, где героиня — женщина, она спасает хотя бы одного ребенка. Мужчина всех детей «оставляет» медведице.

Г.В. Афанасьева-Медведева в своем диссертационном исследовании выделяет восемнадцать сюжетообразующих мотивов в цикле мифологических рассказов русских Сибири о столкновении человека с медведем и поведенческих реакциях медведя в этой ситуации. «Сказке» Василия наиболее близок мотив № 13: «медведь уводит в берлогу девушку/женщину, сожительствует с ней, рождается ребенок/медвежонок/получеловек-полумедведь, женщина убегает, медведь догоняет ее, она бросает ему ребенка, он разрывает его на части. Женщина спасается» [Афанасьева-Медведева 2011, 154].

В истории Василия медведица поступает по отношению к мужчине, как и медведь к женщине в бытующих в Сибири рассказах: медведица кормит мужчину сырым мясом; первое время закрывает его в берлоге; после рождения совместных детей позволяет находиться вне берлоги; пытается догнать убегающего мужчину; когда мужчина становится недостижимым,

то разрывает/съедает детей. Мужчина после жизни с медведицей в берлоге, как порой и женщина, остается без одежды, совершенно голым. Дети, рожденные в браке человека и зверя, имеют и человеческий, и звериный облик [Там же, 157–164].

Нередко в рассказах русских Сибири сообщается о последующей судьбе женщины — ее спасают, но, прожив с медведем, она дичает, сходит с ума, умирает; если ребенок или один из двух детей оказывается с ней среди людей, то, как правило, он тоже долго не живет [Там же, 164–166]. О судьбе мужчины и о каких-либо его отклонениях в психике или в характере после сожительства с медведицей Василий ничего не говорит, как, видимо, не рассказывал и китаец, от которого он слышал «сказку». Но вот поведение медведицы после всего случившего довольно нетипично. В русских рассказах медведь, после того как убегает героиня, просто уходит в лес, иногда на него устраивают охоту и убивают. А в «истории» Василия медведица топится, т.е. кончает жизнь самоубийством, видимо не выдержав предательства мужчины, «осердившись» на него, поступая, как бы мы сказали, больше по-женски.

О возможности сожительства медведицы и мужчины было известно нивхам. Е. А. Крейнович в свое время писал, что у них бытуют легенды о том, как «медведи-мужчины женились на нивхинках, а медведицы-женщины увлекали к себе в берлогу охотников, которые становились их мужьями. По возвращении в деревню такой охотник, по преданиям, сразу же умирал, так как медведица-женщина ждала его душу к себе» [Крейнович 1969, 100]. Г. В. Афанасьева-Медведева приводит эту цитату исследователя, не комментируя ее, из чего следует, что других свидетельств о возможности сожительства медведицы и мужчины пока ею не было найдено.

Однако подобные представления, судя по всему, хотя и в шуточной форме, бытовали и у русских. Так, житель Забайкалья В. М. Бояркин сообщил нам, что в старательской артели «Прогресс» держали медведицу, которая, когда выросла, якобы начала гоняться за мужиками: *«Ну, гыт, и начала за мужиками гоняться. Потребность, видимо, уже. Хе-хе. Стала проявлять. Ха-ха-ха (смеется)»*. На вопрос, в чем же выражалась эта потребность, Виктор Михайлович ответил: *«А кто её знает?*

Они её же водили вот на этот, котлованто. Разденутся, она за ними. Купается. А не знаю, всё же рассказы» (Зап. от Виктора Михайловича Бояркина, 1952 г.р., с. Козлово, Калганский р-н, Забайкальский край. Соб. В. Л. Кляус) [HD1: Забайкалье 2015. Vк150429-03].

Скорее всего, старатели шутили, говоря о том, что выросшая медведица проявляет к ним интерес как к мужчинам. Судя по реплике респондента, он сам в это не очень верит. Тем не менее своими корнями шутка опирается на бытовавшие, в том числе и у русских Восточной Сибири, архаичные мифологические представления о медведях как о существах, которые по своему поведению, потребностям и физиологии схожи с людьми, что убедительно показала в своем труде Г. В. Афанасьева-Медведева.

Возвращаясь с трехреченским рассказом, записанным от трех исполнительцев — А. А. Михалевой, И. Дементьева и В. Заркольцева, отметим, что у них есть одна общая черта: герой/героиня спасается от медведя/медведицы на лодке, катере или пароходе, переплывая речку или море. Мотив реки как некоторого препятствия, которое приходится преодолевать героине или даже медведю после того, как она убегает, встречается и в рассказах, записанных в Сибири. Но на нем как-то не акцентируют внимание исполнители. В трехреченских историях река/море играют важную роль. Водная преграда является непреодолимой для зверя, более того, медведица в рассказе Василия Заркольцева гибнет в море, топится в нем. Гипотетически, опираясь именно на этот элемент текста, можно предположить, что у всех трех рассказов был один первоисточник — мифологический рассказ, который был принесен русскими эмигрантами из Восточного Забайкалья. В своих полевых исследованиях на территории Калганского, Приаргунского, Нерчинско-Заводского, Александрово-Заводского, Газимуро-Заводского р-нов Забайкальского края нам, к сожалению, удавалось фиксировать от респондентов лишь краткие сообщения, что они слышали о том, как медведь забрал к себе девушку/женщину и жил с ней. В «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» Г. В. Афанасьевой-Медведевой опубликовано два текста, записанных исследовательницей в Сретенском и Шилкинском р-нах [Словарь, т. 7,

298–299; Словарь, т. 16, 269]. В них мотив реки отсутствует.

Если наше предположение об одном первоисточнике трех рассказов верно, то изменение пола главных героев произошло именно при переходе русского мифологического рассказа на китайский язык. Почему именно так она была понята китайцами и так рассказывалась, не совсем ясно. Возможно, это связано с какими-то китайскими представлениями о медведе и медведице или вообще с их отсутствием⁴. Не исключено, что ответ лежит в языковой сфере. Так, даже при записи «сказки» от Василия Заркольева нам пришлось дополнительно уточнять у респондента, шла ли речь о медведе или о медведице, ввиду того, что в китайском языке отсутствуют словоформы и окончания, а слово «он» и «она» по-китайски звучит одинаково. Понять сразу на слух, о ком же идет речь, без дополнительных разъяснений было трудно.

Вполне вероятно, в таком же затруднении оказались китайские слушатели и последующие рассказчики, не исключено, что даже и сам Ма И Син, от которого Василий услышал записанную нами «сказку». А то, что попавшему к зверю человеку были приписаны мужские хозяйственные занятия — рыбалка, на которую отправился герой, — указывает на довольно длительное бытование сюжета среди китайцев, когда он был осмыслен и дополнен китайскими исполнителями. Заметим, что от русских рассказ мог быть услышан не в Трехречье, а непосредственно в Восточном Забайкалье, где китайцы работали на золотых приисках с начала XX столетия (известно, что многие из них потом ушли в Китай и обосновались на правом берегу Аргуни). Василий слышал «сказку» где-то в 1960-е гг., т. е. период ее бытования среди китайцев действительно мог быть достаточно продолжительным.

Литература

Афанасьева-Медведева 2011 — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Медвежий культ и отражение его в устной народной прозе русских старожилей Восточной Сибири: семантика, сюжетно-мотивный фонд нарративов, номинации: Дис. ... док. филол. наук. Иркутск, 2011.

Кляус 2015 — *Кляус В. Л.* «Русское Трехречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015.

Кляус, Острогская 2014 — *Кляус В. Л., Острогская А. А.* Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трехречье // *Традиционная культура*. 2014. № 4. С. 41–50.

Кляус, Острогская, Шипунова 2017 — *Кляус В. Л., Острогская А. А., Шипунова Л. Г.* Фольклорные тексты на китайском языке: проблемы эдиции // *Народная культура Сибири: Матер. XXV науч.-практич. семинара*

Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2017. В печати.

Крейнович 1969 — *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов // *Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты*. М., 1969. С. 6–112.

Попова, Виноградов 1936 — *Попова А. Н., Виноградов Г. С.* Медведь в воззрениях русского старожилевого населения Сибири // *Советская этнография*. 1936. № 3. С. 78–83.

Словарь — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилей Байкальской Сибири. Т. 7. Иркутск, 2011; Т. 16. Иркутск, 2014.

Штернберг 1933 — *Штернберг Л. Я.* Гиляки, гольды, орочи, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

Янков, Тарасов 2012 — *Янков А. Г., Тарасов А. П.* Русские Трехречья: история и идентичность. Чита, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кляус В. Л. — доктор филологических наук, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, главный редактор научного альманаха «Традиционная культура»: Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а; тел.: + 7 (495) 690-50-30; e-mail: v.klyaus@mail.ru

Острогская А. А. — магистр, преподаватель Института Конфуция Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1; тел.: +7 (495) 939-10-00; e-mail: anna.ostrogskaya@gmail.com

⁴ По устному сообщению академика Лю Куйли, в китайском фольклоре подобного сюжета не зафиксировано.

“FAIRY-TALE” ABOUT CONCUBINAGE BETWEEN A MAN AND A SHE-BEAR IN FOLKLORE OF CHINESE RUSSIANS AT TREKHRECH’E (PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA)

VLADIMIR KLYAUS

(Institute of World Literature named after A. M. Gor’kiy, Russian Academy of Sciences:
25a, Povarskaya str., 121069, Moscow, Russian Federation)

ANNA OSTROGSKAYA

(Moscow State University named after M. V. Lomonosov: 1, Leninskie gory, Moscow, 119991,
Russian Federation)

Summary. *In this paper the co-authors analyze mythological narratives about concubinage between a human and a bear, recorded from Chinese Russians at Ergun urban district of the Inner Mongolia Autonomous Region of China. Special attention is paid to the text, recorded by the co-authors both in Russian and in Chinese sequentially. It tells about cohabitation between a bear sow and a human man. It has been performed in Chinese language and appeared among the ethnic Chinese. The paper provides comparative analysis of Russian and Chinese variants of the same story and the co-authors are dealing with entire textual manifestation, not with an oral translation of the text from one language to another. The narrative is analyzed in the context of mythological beliefs and oral prose about the marriage union between a human and a bear, which appears among the Russians of Trans-Baikal. The co-authors bring forward arguments to prove the fact that the narrative has been borrowed from Russians by Chinese dwellers of the Interfluve of Three Rivers. Suggestions about the cause of the gender substitution between the protagonist, which has happened while the plot’s existence in the Chinese natives area. Assignment of male household activities to the protagonist, caught by the female beast, indicates a long-time existence of the plot among the Chinese, when it has been reconsidered and complemented by Chinese story-tellers. The narrative, performed by Russians, might not be heard at the Interfluve of Three Rivers, but at the Eastern Trans-Baikal, where the Chinese worked in the gold mines since the beginning of the 20th century.*

Key words: *folklore, mythological narratives, plot about cohabitation between a bear and a human, Chinese, Russians, China.*

Acknowledgements. *This paper is financially supported by the grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 17-04-00493 “Russian folklore in Chinese language of the Northern Manzhouli: Studies and texts”.*

References

Afnas’eva-Medvedeva G. V. (2011) Medvezhiy kul’t i otrazhenie ego v ustnoy narodnoy proze russkikh starozhilov Vostochnoy Sibiri: semantika, syuzhetno-motivnyy fond narrativov, nominatsii [Bear cult and its reflection in oral folk prose of the Russian long-time residents of the Eastern Siberia: Semantics, plot and motif fund of narratives, nominations]. Grand PhD thesis (Philology). Irkutsk. In Russian.

Afnas’eva-Medvedeva G. V. (2011, 2014) Slovar’ govovor russkikh starozhilov Baykal’skoy Sibiri [Dictionary of dialects of the Russian long-time residents of the Baykal Siberia]. In 20 vol. Vol. 7. Vol. 16. Irkutsk. In Russian.

Yankov A. G., Tarasov A. P. (2012) Russkie Trekhrech’ya: istoriya i identichnost’ [Russians of Trekhrech’e: History and identity]. Chita. In Russian.

Klyaus V. L. (2015) “Russkoe Trekhrech’e” Man’chzhurii: Ocherki fol’klora i traditsionnoy kul’tury [The “Russian Trekhrech’e” in Manzhouli: Essays upon folklore and traditional culture]. Moscow. In Russian.

Klyaus V. L., Ostrogskaya A. A. (2014) Russkiy fol’klor na kitayskom yazyke: opyt polevogo issledovaniya v Trekhrech’e [Russian folklore in Chinese language: Probes on field studies at Trekhrech’e]. *Traditsionnaya kul’tura* [Traditional Culture]. 2014. No. 4. Pp. 41–50. In Russian.

Klyaus V. L., Ostrogsкая A. A., Shipunova L. G. (2017) Fol'klornye teksty na kitayskom yazyke: problemy editsii [Folklore texts in Chinese language: problems of edition]. *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk culture of Siberia]. Mater. of the 25th sch.-pract. seminar of the Siberian Regional University Center on Folklore. Omsk. In print. In Russian.

Kreynovich E. A. (1969) Medvezhiy prazdnik u ketov [Bear feast among Ket people]. *Ketskiy sbornik: Mifologiya, etnografiya, teksty* [Ket Di-

gest. Mythology, ethnography, texts]. Moscow. Pp. 6–112. In Russian.

Popova A. N., Vinogradov G. S. (1936) Medved' v vozzreniyakh russkogo starozhilogo naseleniya Sibiri [Bear in convictions of the Russian long-time population of Siberia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1936. No. 3. Pp. 78–83. In Russian.

Shternberg L. Ya. (1933) Gilyaki, gol'dy, orochi, negidal'tsy, ayny [Gilyak (Nivkh), Goldy (Nanai), Orochon (Oroqen), Negidal, Ainu People Minorities]. Khabarovsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Klyaus V.: e-mail: v.klyaus@mail.ru

Tel.: + 7 (495) 690-50-30

25a, Povarskaya str., Moscow, 121069, Russian Federation

Full Professor (Philology), head of Folklore Department, Institute of World Literature named after A. M. Gor'kiy, Russian Academy of Sciences

Ostrogsкая A.: e-mail: anna.ostrogsкая@gmail.com

Tel.: + 7 (495) 939-10-00

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Master, lecturer of Confucius Institute, Moscow State University named after M. V. Lomonosov
